

## † Профессиональное кредо



Ю.М. РЕЗНИК, О.Н. АСТАФЬЕВА

### ЖИЗНЬ В НАСТОЯЩЕМ И НАСТОЯЩЕЕ В ЖИЗНИ (В ПОРЯДКЕ ДИАЛОГА; Москва, 5-6 мая 2011 г.) (Окончание. Часть 2)



***Аннотация:** Уважаемые читатели! Мы продолжаем знакомство с лидерами отечественной гуманитарной науки. В данном выпуске представлено окончание интервью с известным культурологом, доктором философских наук, профессором Ольгой Николаевной Астафьевой. В нем речь идет о таких человеческих ценностях, как общение, доверие, дружба, творчество.*

***Abstract:** Dear readers! We continue our efforts to acquaint you with the leaders in the Russian humanities. In this issue we offer a sequel of the interview with the well-known cultural critic, Doctor of Philosophy, Professor Olga Astafyeva. It is a dialogue on such human values as communication, trust, friendship, creativity.*

***Ключевые слова:** взаимодействие, общение, доверие, референтная группа, философия, культурология, жизненная ситуация, средний класс, информация, традиции, творчество, талант.*

***Keywords:** interaction, communication, trust, reference group, philosophy, cultural studies, life situation, middle class, information, tradition, creativity, talent.*

***Ю.М.:** Практически у каждого руководителя имеется «теневой кабинет», включающий членов его команды. А у обычного человека есть также свой ближний круг, состоящий из самых доверенных лиц (друзей, однокурсников, соратников, родственников и т.д.). Именно члены команды или близкие люди обычно допускаются к об-*

---

**Резник Юрий Михайлович** – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, заместитель директора Российского института культурологии (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru.

**Астафьева Ольга Николаевна** – доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой культурологии и деловых коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, заведующая сектором Российского института культурологии (Москва). E-mail: onastafieva@mail.ru.

суждению сокровенных тайн или вопросов, предназначенных для «внутреннего» пользования.

*Ольга Николаевна!* По моим наблюдениям у Вас имеются несомненные актерские данные, а значит, есть поклонники и подражатели, которые стремятся попасть к Вам «за кулисы». Кого же Вы допускаете в свой ближний круг? Кто эти счастливицы и баловни судьбы? Одним словом, кто входит в Вашу «закулисную зону»? Разумеется, я не требую от Вас поименного перечисления лиц. Меня интересуют принципы и критерии их отбора, если, конечно, они существуют.

**О.Н.:** Юрий Михайлович, попробую объединить вопросы, чтобы опять чего-то не упустить. Прежде всего, мне придется, вероятно, разочаровать вас, поскольку ближний круг у меня, как и у большинства людей, вполне предсказуем. Вряд ли я в этом оригинальна. Это круг самых дорогих для меня людей, куда входит, прежде всего, моя семья, где степень откровенности в общении очень высокая, а доверие, как основной принцип нашего совместного бытия, с годами только возрастает.

На мой взгляд, доверие предопределяет откровенность, а откровенность в свою очередь измеряется отнюдь не способностью некоторых людей ежедневно «грузить» нас информацией обо всех и обо всем. Сенека говаривал о таких людях: : “Plus sonat quam valet” («Больше звона, чем смысла»). Содержание же «откровения» выступает через открытие сокровенного, чего-то более значимого для данного момента. Деталь, закодированный во взгляде смысл, эмоция, — вот что определяет характер искренности отношений и выступает основой доверительной коммуникации.

Пространство моего взаимодействия в семье — это особого рода комфортная и уютная среда. Незаметно день ото дня повышается в ней уровень взаимопонимания и осуществляется бесконечный процесс личностного становления. Поскольку все члены нашей семьи очень мобильные, то одна из самых любимых общих тем последнего времени — обмен впечатлениями от новых поездок, командировок, путешествий. Благо, теперь можно заранее посмотреть в Интернете все те места, куда кто-то из нас собирается поехать в ближайшее время, а затем, по возвращению, показать что-то необычайное, редкостное. Наконец, о чем-то можно и самому поразмыслить, в одиночестве, так ведь?

Чем я готова делиться с друзьями? Что сближает меня с людьми, и по каким основаниям формировался мой круг? Думаю, что среди принципов и базовых характеристик — созвучность мироотношения, преданность и надежность, желание понять другого и вовремя предложить свою помощь, психо-эмоциональная близость друг к другу и ощущение потребности именно в этом человеке, невзирая на разницу в возрасте, характере, привычках, стиле жизни. Одним словом, я готова делиться с друзьями многим, но очень важно, что наше общение должно приносить взаимную радость и удовлетворение.

Вы просили говорить только о принципах выбора друзей, но я не могу не назвать имена некоторых из них. Подруга «с сороколетним стажем» Нина со своей дочкой Ольгой-Полиной, институтская учительница английского языка Ангелина Ивановна, профессор Тамара Михайловна, с которой жизнь свела меня в годы обучения в аспирантуре, — вот эти особо значимые для меня люди. Отношения с ними складывались постепенно, шаг за шагом, год за годом. С другими друзьями меня сблизили самые разные обстоятельства, но критерии отбора с годами сильно не меняются.

Как вы понимаете, становление «ближнего круга» – это процесс сложный, синтетический, целиком не рационализируемый.

Возможно, вы правильно подметили, что в силу открытости и артистизма моей натуры ближний круг становится для кого-то очень привлекательным. Но более всего, поверьте, он дорог и привлекателен для меня самой. Поэтому при всей моей коммуни-кабельности и прозрачности границ этого круга, они все-таки остаются границами.

Что движет мною в моем постоянном стремлении к людям, которое вы назвали сильным «социальным» началом во мне? Любопытство и желание узнать как можно больше нового в самых разных сферах нашей жизни? Может быть, и так. Вероятно, поэтому мне в разные периоды жизни и были подарены незабываемые встречи-открытия, переросшие в многолетнюю дружбу с удивительными людьми – И.Н. Лисаковским, М.С. Каганом, Е.Б. Долинской, ставших для меня наставниками, учителями. Благодарна им бесконечно за это право быть рядом. Профессионалов немного, личностей же, подобных им, еще меньше.

*Ю.М.: Ольга Николаевна! Как известно, социальные ученые стремятся выявить типическое в образе жизни людей, отвлекаясь от единичного и уникального. И я не лишен этой слабости. Вы для меня есть воплощение не просто типического в жизни, а ее качества, доведенного до желаемого предела. Многие только мечтают об этом, а Вы доводите всё, что касается Вашей жизни, до определенного качества. Это относится и к ближнему кругу. И здесь Вам удалось, подобно классической отличнице, навести должный порядок и обставить всё в лучшем виде. Мне редко приходилось встречать таких людей, как Вы. Все мы не без слабостей, но у Вас я их практически не нахожу, если следовать нравственным стандартам человеческого общения.*

*Ваша Персона уникальна в своем роде. Вам нет равных в искусстве управления впечатлениями других людей о себе. А Ваша жизненная легенда (система мифов и вымышленных историй о собственной жизни) просто вызывает восхищение. Самое главное, что, создав ее, Вы сами в нее бесконечно верите. Меня же убедить легко. Но я не могу отделаться от ощущения, что атмосфера эмоциональности и образности, в которой проходит наша беседа, напоминает действо, где грань между вымыслом и реальностью становится не столь уж существенной. Я, конечно, могу ошибаться, высказывая субъективное впечатление.*

*В надежде прорваться сквозь пелену наслоений сознания, микширующего, как известно, «рядовое событийное» и придающее особые оттенки значимому для личности, задам следующий вопрос. По какому принципу сложились Ваши референтные группы и каковы они? Как известно, скажи мне кто твой друг, и я скажу, кто ты.*

**О.Н.:** Если говорить о референтных сообществах, то их, действительно, несколько: в разных социальных пространствах – свое; за каждым – жизненный этап или общее дело, проект или партнерство. В ближнем круге находится три ядра – фило-софское, культурологическое и журнальное.

Дружба с философами выросла на проектной основе и уже продолжается почти два десятка лет. История становления нашей научно-исследовательской школы постнеклассического знания началась с интереса к междисциплинарным идеям и была насыщена не только интересными научными дискуссиями, эмоциональными обсуждениями на научно-методологическом семинаре по синергетике в РАГС'е, но и удивительно забавными жизненными ситуациями.

Проектные задачи очень сблизили нас, а научные коммуникации переросли в дружеское общение. Вместе нам приходилось промокать «до нитки» под киевским

дождем, когда мы проводили семинары у Ирины Добронравовой; а в переполненных плацкартных вагонах, возвращаясь из Крыма, читать вслух вместе с Яковом Свирским, только что приступившем к переводу книги Ж.Делеза и Ф. Гваттари «Тысяча плато: Капитализм и шизофрения» первые странички текста, вызывая у пассажиров неподдельное удивление от странных речей московских профессоров...

В моей «культурологической группе» очень много коллег по академии и институту культурологии, моих учителей и учеников, работающих в самых разных сферах, наконец, близких друзей-культурологов из вузов Москвы и других городов страны, экспертов министерств. Все они очень дороги мне. Эта референтная группа самая многочисленная и подвижная, она всегда в процессе развития. Ее истоки – в моем проекте по организации другого научно-методологического семинара «Культура и культурная политика».

Журнальная площадка – самое молодое для меня и самое разнородное сообщество. Оно независимо ни от кого, естественным образом, «по умолчанию», делится на малые социальные подгруппы: в каждой из них у меня есть свой близкий человек. Это и позволяет мне чувствовать себя комфортно.

*Ю.М.: В своей жизненной ситуации я бы добавил к ним еще две группы – социологическую и социально-антропологическую. Некоторые их члены входят одновременно в философскую и культурологическую группы. С этим связан междисциплинарный характер дискурса, который разворачивается у нас в редколлегии и более широком сообществе, созданном на базе журнала «Личность. Культура. Общество». Но, так или иначе, эти группы относятся к научно-образовательной сфере. Названные Вами лица только подтверждают данное наблюдение. Среди Ваших референтов редко встречаются известные политики, государственные деятели, представители бизнес-структур. Их объединяет с учеными то, что они входят в разные слои среднего класса, который сформировался у нас в 2000-е годы. Но при этом особенности менталитета этих групп существенно различаются. Между ними возникают серьезные противоречия, определяемые различиями в культуре и образе жизни. Поэтому средний класс в современной России не является политически консолидированным и идеологически однородным. Сознание его представителей выступает питательной средой для разных политических движений и идейных течений. Так, государственные служащие федерального и муниципального уровней придерживаются в основном консервативной позиции, которая представлена в идейном плане правящей партией. К ним примыкают политики левой ориентации (КПРФ, Справедливая Россия), несмотря на их радикальную политическую риторiku.*

Ученые и другие представители научно-технической интеллигенции занимают особую нишу в идейно-политической карте российского общества. Их представления о социальном порядке и справедливости принципиально расходятся с умонастроениями правящей элиты, значительная часть которой составляет верхний эшелон среднего класса. Но об этом будет отдельный разговор.

Другой вопрос. Считаете ли Вы себя откровенным человеком? При каких обстоятельствах Вы можете сообщить другому закрытую информацию. Кто пользуется наибольшим доверием с Вашей стороны? Как Вы фильтруете информацию, полученную от других людей? Имеются ли у Вас свои особые приемы?

**О.Н.:** Насколько я себя знаю, скорее – да, чем нет. Человек я в большей степени откровенный и открытый. Хотя с годами стала замечать, что откровенность – не самое лучшее качество для общения в современном обществе. Иногда лучше про-

молчать, даже если есть что сказать. Это грустно. Кроме того, сегодня существует немало всякого рода ограничений на передачу информации (экспертная, коммерческая и др. тайны). Эта информация мне не принадлежит. Да и какой смысл в продвижении ее во внешний мир? Чтобы показать свою значимость? Добавить авторитета? Других тем для обсуждения всегда достаточно. А каких-то особых «шпионских случаев», когда мне нужно было бы передать сверхважную информацию, у меня в жизни пока не было. Не обижайтесь, понимаю, что не о том спрашиваете. Просто шучу.

Безграничным доверием пользуются все включенные в мой ближний круг люди. Потому он и ближний. Коллегам и партнерам, с которыми у нас есть общее дело, или тем, кто составляет одну из моих референтных групп, тоже доверяю, иначе положительного результата нам бы никогда не удалось достичь. Хотя, не буду скрывать, подводили меня не раз. Бывало, хочешь помочь человеку, откровенно выразишь свое мнение, поделишься своей точкой зрения (причем, вы знаете, для моего стиля не характерно грубо «резать правду матку в глаза») и что? Информация получит такую интерпретацию, что останется только удивляться. У некоторых людей просто какая-то любовь к искажению информации. Наверное, это у них такое хобби (или уже болезнь).

Что же касается информационной фильтрации, то скажу так: почти всегда интуитивно чувствую ложь, вижу игру и лицемерие, стараюсь рационально выставить спасительные барьеры... Увы! Однако никаких особых приемов я не имею, поэтому приходилось сталкиваться с тем, что мое доверие использовали за моей спиной. И самое главное, я очень не люблю, когда мне пытаются «под большим секретом» рассказать какие-либо мерзкие истории про людей, особенно если делают это часто и подолгу, и каждый раз отзываются о разных людях и неизменно плохо. Стараюсь либо с такими собеседниками вообще не вступать в общение, либо если уже это неизбежно, перевести разговор в другое русло. Взгляд на мир сквозь какие-то замутненные стекла не вызывает у меня уважения. Понимаю, что если розовые очки искажают реальность, то «фильтрация» носителей информации подчас дело полезное.

*Ю.М.: Готов присоединиться к Вашим словам. Однако в реальной жизни распознать недоброжелателя и отличить его от приятеля порой непросто. Столько раз мы ошибались в людях, доверяя им тайну, а потом горько сожалели об этом. И все же доверять людям нужно, иначе мир перевернется. Нельзя же всех подозревать в неискренности и нечистоплотности.*

*Ольга Николаевна! Каждому человеку, живя в настоящем, т.е. в конкретных жизненных ситуациях, приходится постоянно вырабатывать и проводить водоразделы между творчеством и рутинной, традицией и инновацией, порядком и изменениями. Вы всегда находитесь в центре событий. Мало кто может сравниться с Вами по объему работы и нагрузке. Как у Вас получается оставлять время и место для научной деятельности? Почему, зная и уважая традиции, Вы чаще всего выбираете изменения? Что непрерывно толкает Вас на перемены в собственной жизни?*

**О.Н.:** Даже к самому обыденному и традиционному, почти рутинному действию, можно подходить творчески. А вот заниматься творческой работой — это нечто иное, требующее особого погружения в материал, в тему, в проблему. Еще в студенческие годы, когда мне приходилось читать о творческом методе известных композиторов, меня очень удивляло, что кто-то из них, невзирая ни на какие обстоятельства, заставлял себя ежедневно с раннего утра до обеда заниматься сочинением му-

зыки, а кто-то, напротив, работал ночи напролет под заказ, лишь бы в срок завершить партитуру. И не от этого, в конечном счете, зависело, будет ли в итоге создан шедевр или появится очередная безделица.

Мне нравится не столько резко изменять что-то в своей жизни, сколько постоянно что-то наращивать, обогащая жизненный и профессиональный опыт. А отказываюсь я от интересного предложения лишь в тех случаях, когда точно уверена, что при складывающихся обстоятельствах не смогу выполнить просьбу или достичь ожидаемого результата. Усложнение через новое — вот то, что, наверное, и толкает меня на перемены.

*Ю.М.: Вы рассказали о процессе своей работы. Есть расхожее мнение: если можешь не писать, то лучше этого не делать. Думаю, что большинство из нас пишет, повинувшись не столько внутреннему импульсу, сколько внешней необходимости. Производство текстов входит в привычку, становится повседневной рутинной. К тому же нас обязывают формальные предписания (планы, инструкции и пр.). Однако количество текстов, выпускаемых каждый год, не всегда переходит в качество, хотя мы пытаемся убедить себя, что это для нас серьезно и надолго. Большинство людей нашего с Вами круга участвуют в игре под названием «Наука». Они имитируют научное творчество, а не живут в науке.*

*Ольга Николаевна! Что Вас не устраивает в непосредственном социальном окружении в связи с организацией Вашей жизни? Какие условия работы и отношения с коллегами Вы считаете оптимальными для себя? Кто или что мешает Вам проявить себя во всем своем масштабе?*

**О.Н.:** Отвечу кратко. Основное оптимальное условие — взаимопонимание. Очень хочется говорить с людьми и чувствовать, что тебя не только слышат, но и понимают.

Вряд ли кому дано знать свой подлинный масштаб и свои пределы. Мне в жизни приходилось два раза начинать почти все сначала. Водоразделом стал переезд в Москву, резкая смена геоклиматического и социокультурного ландшафта. То, что было частью в инокультурном окружении (родной язык, традиции) вдруг возросло до целого; то, что представлялось идеальным, неожиданно стало раскрываться с другой стороны. Изменилось социальное окружение, обострилось восприятие, а интерпретации социального в границах иной ментальности высветились с такой силой, какую они могут получить только на границах перехода от одной культуры к иной. Соответственно, изменились и условия самореализации.

Пройдя период адаптации и где-то даже этап противостояния снобизму и высокомерию, с которым я столкнулась после переезда в Москву, мне удалось восстановить стиль жизни, наполненный оптимистическими установками, и создать оптимальные условия для творческой самореализации не только для себя, но и для многих других. Сегодня уже с улыбкой могу сказать так: особых помех не было, просто понадобилось лишнее десятилетие и пришлось работать во сто крат интенсивнее. Помешать человеку проявить себя как личности могут разные обстоятельства, но самое большое препятствие — это отсутствие личного целеполагания и добрых намерений. Не хочу кого-то обидеть, но обозначу все-таки еще одну причину, мешающую женщинам в нашем обществе реализовать себя, — это гендерное неравенство. Посмотрите вокруг.

*Ю.М.: Смотрю и вижу, что женщины, действительно, не равны с мужчинами. Но это неравенство далеко не всегда в пользу мужчин. Мужчины в огромной своей массе заражены вирусами безделья и похмелья. А это значит, что они не могут быть равно-*

правными партнерами для женщин во многих отношениях – в работе, семье, сексе и т.д. Не буду здесь распространяться, анализируя социальные условия и выявляя причины. Посмотрите вокруг.

*Ольга Николаевна!* Имеется еще один предмет для нашего разговора о порядке в повседневной жизни. Мы не касались более широкого социального контекста – ситуации в стране и мире в целом. А ведь этот контекст присутствует постоянно в наших помыслах и делах. Нельзя обустроить свою жизнь в отдельно взятом уголке страны, не решая попутно массу социальных проблем. Что Вам мешает как человеку, живущему в российском обществе, полностью раскрыть свой личностный и профессиональный потенциал? Насколько ситуация, сложившаяся в современной России, далека от Ваших представлений о достойной жизни и подобающем качестве жизни? Какой бы Вы хотели видеть свою страну в ближайшем будущем?

**О.Н.:** Юрий Михайлович, то, что называется «социальным контекстом», приводило в жизни нашей семьи и моей судьбе к таким крутым поворотам, что не могу не отреагировать на Ваш вопрос. Возможно для кого-то разговоры о нестабильности социальной среды, умноженной на радикально меняющуюся цивилизацию, это теоретические конструкты, но, думаю, не только для меня очевидна предельная радикализация реальности со странным типом солидарности, допускающей аномии и конфликты, резкое социальное расслоение. Что это? Изнанка обретенной свободы?

Моя точка зрения, уверена, созвучна мнению многих людей: нашему обществу не хватает независимости от неэффективных моделей экономической и валютно-финансовой систем, от стихийного реформирования то одного, то другого элемента сложнейшего социального организма. Искренняя вера в возможность позитивных изменений позволяет надеяться, что я все-таки увижу Россию без резких социальных и культурных сбоев, срывов, разрывов, мешающих прогнозировать и планировать что-либо серьезное далее, чем на ближайшую перспективу. Возможно, тогда бы и укоренилась традиция личной независимости и успеха как соответствующая высокому качеству жизни, а позитивное отношение к гуманитарной науке и к культуре в целом изменило вектор и результаты модернизационной стратегии.

*Ю.М.:* Боюсь, что Вы как раз переоцениваете значение теоретических конструктов, хотя присущий Вам пафос надежды и невольный страх перед возможными социальными взрывами обнаруживает в Вас человека консервативного склада. На мой взгляд, наше общество более примитивно, чем это кажется возбужденным умам наших теоретиков. Вы слишком осторожны в своих высказываниях: «нашему обществу не хватает независимости от неэффективных моделей экономической и валютно-финансовой систем, от стихийного реформирования...». Ультраосторожное утверждение. А может быть всё значительно проще и не стоит усложнять очевидное, ретушировать действительность, раскрашивая ее в несуществующие или несвойственные ей цвета. Нашему обществу не хватает современной демократической культуры, а нашим властям – деловой компетенции и чувства меры в плане личного обогащения. Мы так и не вышли из феодального прошлого, сохраняя и усиливая все его рудименты. Нельзя судить о примитивном обществе по меркам современного.

**О том, что в каждом из нас настоящее**

*Ю.М.:* Перейду теперь ко второй теме нашего сегодняшнего разговора – «Настоящее в жизни». Что же я подразумеваю под настоящим в жизни? Жизненные смыслы,

которые определяют направленность нашей жизни? Ценности, которые мы разделяем с близкими нам по духу людьми — творчество, любовь, семья? Или приоритеты, которые мы устанавливаем на данном жизненном этапе?

Наверное, каждое в отдельности будет недостаточным для характеристики настоящего. Мы живем сейчас, а думаем, что будем жить вечно. Однако настоящее выражает особый вклад человека в совершенствование общей человеческой природы. Ольга Николаевна! Что же придает ценность нашей жизни, делая ее не только неповторимой и уникальной, но и настоящей?

**О.Н.:** Когда вы ставите вопрос о настоящем в жизни, то, как я понимаю, намеренно дифференцируете то, что в реальной жизни существует как неразделимое, взаимозависимое и взаимодополняющее, поскольку в моем представлении приоритеты не только не исключают ценностей, но и базируются на них. В противном случае личность разрушается и утрачивается ее целостность.

Вся моя жизнь — это поиски соразмерности настоящего (как собственного бытия), где уже сам факт присутствия меня (как и каждого человека) изменяет его и придает ему неповторимость, и рефлексии, восприятия и оценивания бытия как подлинного, настоящего. Эти поиски (как действие, противостояние, борьба) проявляются во всем — в жизненных ориентациях и смыслах, в системе мотиваций и целеполагании, наконец, в поведении и жизненной стратегии.

По-моему, каждый человек обретает свой собственный путь, опираясь на эталоны и алгоритмы, заданные освоенными культурами и собственным выбором наиболее адекватных ему моделей. Это позволяет ему продвигаться к достижению согласованности индивидуального и социального, личностного и общественного. Ценность нашей жизни, и здесь я разделяю Вашу точку зрения, действительно, в особом вкладе каждого человека в совершенствование общей человеческой природы. Согласитесь, в контексте ценностной системы окружающей нас реальности такое утверждение звучит несколько высокопарно, но зато вполне соответствует моей философии жизни и жизненной стратегии, которая не всегда согласуется с принципами жесткой рациональности.

**Ю.М.:** Так и хочется сказать вслед за Вами: вся наша жизнь — борьба. Честно говоря, мне трудно понять такую философию жизни. Настоящее и в Африке настоящее. Я не верю в мнимые целостности и взаимосвязанности. Высказывание типа «и это важно, и это..» для меня ничего не означает, несет в себе лишь пустоту и бессмысленность.. Важно только то, что важно тебе и во имя чего ты готов чем-то жертвовать. Однако продолжим начатый разговор.

Ольга Николаевна! У каждого зрелого человека имеются свои критерии оценки настоящего в жизни и людях. Я вспоминаю в этой связи «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого. В ней речь шла, как известно, о советском летчике времен Великой Отечественной войны Алексее Маресьеве, который был сбит в бою, тяжело ранен, но силой воли возвратился в ряды действующих летчиков. Но здесь присутствуют героический пафос и экстремальная ситуация, потребовавшая от данного человека предельного напряжения сил, воли и характера. В обычной жизни такое редко встречается, однако цена настоящего поступка или решения от этого не снижается.

Что Вы считаете для себя настоящим в жизни, людях? Что значит быть настоящим человеком? Имеются ли у Вас критерии оценки настоящего?

**О.Н.:** Природа человека предопределяет возможность поиска и выбора для своего собственного пути в жизни. Но индивидуальный путь включен в определенные



культурно-цивилизационные рамки, задающие ему координаты. И здесь возникают противоречия, с одной стороны, связанные с необходимостью согласования индивидуального и социального; с другой – с нашей вписанностью в современную культуру (с присущей ей системой норм, ценностей и смыслов) и участием человека в ее постоянном творческом преобразовании. Путь преодоления этих конфликтов, а также культура согласования своих и чужих интересов и жизненных перспектив раскрывает то, что может отличить настоящее в каждом из нас. Конечно, критерии оценки настоящего часто не совпадают, ибо коренятся в нашей нетождественности друг другу, проявляются в индивидуальных событиях и поступках. Однако можно не разделять философию Другого, но попытаться разобраться и понять ее принципы все-таки необходимо.

Соглашусь с Вами, что настоящее в людях с особой силой раскрывается в экстремальных ситуациях. Поэтому продолжу заданный Вами сюжет о человеческих «пределах», тем более, что наша беседа проходит в преддверии празднования Дня Победы. Эта тема для меня имеет очень глубокий смысл: с детских лет рассказы о войне и о победе постоянно звучали в нашем доме. Мама, будучи маленькой девочкой, пережила оккупацию в Ростовской области, а папа – прошел сначала Финскую войну, а потом всю Великую отечественную войну – воевал на Черноморском побережье – в Новороссийске, Туапсе и др. городах на канонерке «Красная Абхазия». Наша семья потеряла в той войне моего деда, дядю и других родственников, поэтому папины ордена и медали были для семьи предметом гордости. Отец моего мужа также был участником военных событий. Среди моих наставников не было таких, кого не затронули бы эти трагические события. Я не раз слушала рассказы М.С. Кагана и С.Х. Раппопорта об их участии в войне, воспоминания Тамары Михайловны Суриной, которая будучи девочкой одиннадцати лет, в годы войны служила ординарцем в Москве. Каждое утро она являлась для выполнения поручений и, несмотря на московский холод и голод, приближала дни победы. Но разве можно только такими событиями отмерять настоящее в людях?

*Ю.М.: Жаль, что Вы уходите от прямого ответа на мой вопрос, приводя аналогичные примеры и так и не сказав о том, что для Вас есть настоящее в повседневной жизни, лишенной героической патетики и патриотических восклицаний. Пробую подступить к этой теме еще с одной стороны.*

*Ольга Николаевна! Вы знакомы с моей концепцией множественных образов и «Я» человека. Стремясь соответствовать внешним требованиям, мы часто утрачиваем в себе главное – то, чем мы отличаемся от других и интересны самим себе. Нашу самость. Если ее определить буквально, то получится «Я-сам». По существу самость является точкой сборки человека или центром его самосознания.*

*По одной из версий, я различаю вслед за интеракционистами несколько «Я» внутри самости человека: **идеальное «Я»**, то, кем мы себя желаем видеть, **актуальное «Я»**, то, кем мы являемся в каждый данный момент времени, в конкретной ситуации («здесь и теперь»), **реальное «Я»**, то, что остается инвариантным в нас на протяжении длительного времени и проявляется чаще всего независимо от наших желаний или представлений других людей, и, наконец, **аутентичное «Я»**, то, чем мы являемся на самом деле, а не только думаем о себе, относясь к себе рефлексивным и критическим образом или смотря на себя трезвым и непредвзятым взглядом. Кто, как не мы сами, являемся самыми резкими критиками своих поступков, а иногда и мыслей. Благодаря аутентич-*

ному «Я» мы можем заглянуть в самые отдаленные и потаенные уголки своей души. Оно позволяет нам посмотреть со стороны на наши слабости и недостатки.

Могли бы Вы описать вкратце все эти «Я» в себе? Как в Вашем идеальном «Я» отразились детские мечты и юношеские идеалы? Насколько это «Я» не совпадает с реальным «Я»? Какими оттенками Вы наделяете свое актуальное «Я»? Считаете ли Вы себя самокритичным человеком? Как часто Вы ведете диалог со своим «внутренним голосом» или аутентичным «Я»?

**О.Н.:** Признаюсь, не помню, как давно задумывалась специально над своим идеальным «Я», поскольку чаще всего саморефлексия осуществляется через включенность в ту или иную ситуацию. Рефлексия и оценка поступка живет во мне в неразделимой целостности и, когда ситуация развивается без излишней напряженности, отпадает надобность в концентрации внимания на мне самой, поскольку я выражаю себя через свои действия. Как и большинству людей, мне хотелось бы всегда публично представлять «истинное лицо» и быть откровенной со всеми. Но именно культура — нормы и правила, практики и опыт подсказывают мне (а зачастую и диктуют) как поступать в той или иной ситуации, и еще, конечно, моему реальному «Я» помогают интуиция и «неявное знание», жизненный опыт, одним словом — мой культурный капитал.

Бессмысленно скрывать, бывает, что я остаюсь недовольна своим поступком. В частности тем, что не смогла (точнее, не захотела) отказываться от своего принципа «не вступать в противостояние, а пытаться мирным путем решать возникающие проблемы» и не проявила жесткость и решительность по отношению к действиям не очень порядочных людей. Время проходит, и я понимаю, что моя самокритика не была бесполезной. Стараюсь исправить ситуацию, особенно если ее последствия мешают другим людям, но все равно «на тропу войны» не выхожу. Вы, Юрий Михайлович, уже покритиковали меня за это.

Возможно ли в мире социальных предписаний всегда быть свободным, аутентичным «Я», чтобы быть правильно понятым? Когда же мы производим больше насилия над собой — когда осознанно (рационально) выбираем модель поведения или когда живем, стремясь быть свободными в жестких рамках социального?

На мой взгляд, главное заключается в умении удерживать свое личностное начало — согласовывать разные стороны своего множественное «Я». Если это складывается естественно, само собой, без особого напряжения и при разных обстоятельствах, то значит, у человека высока и степень откровенности перед людьми. Признаюсь, иногда я очень расстраиваюсь, когда между теми, кого я считаю близкими мне людьми, и мною вдруг «промелькнет тень» недопонимания. У нас и в наших с Вами отношениях такое бывало. В подобных случаях я начинаю всерьез задумываться о недостижимости полного согласования внешнего и внутреннего, о трудности декодирования смыслов, сокрытых в наших текстах.

**Ю.М.:** *А может не стоит подавлять в себе личностное начало, а наоборот, следует выражать его по возможности открыто, но, разумеется, в корректной форме? От систематического самонасилия только усугубляется ситуация с нашими «Я». И достичь своего аутентичного «Я» становится совершенно невозможно. Его вполне могут заменить ролевое или зеркальное «Я», предназначенное для демонстрации другим людям. Нет никаких жестких рамок социального. Их придумали слабые люди, оправдывая свои пассивность и бездействие. Конечно, социальное нельзя упразднить, но можно изменить стиль отношений с ним.*

**О.Н.:** Я так не считаю. Каждый человек «обманываться рад», но я свое самолюбие редко тешу. Тем не менее, оценку себе самой и достигнутому все-таки дать могу. По крайней мере, так мне кажется с позиции сегодняшнего дня. Позвольте, я предложу Вам сейчас смонтировать целостный пространственно-временной ряд на основе последовательности фрагментов из истории становления моего «Я».

Вы же что-то спросили про детские мечты и юношеские идеалы. Но имейте в виду, что мою реальная жизнь не разворачивалась согласно этой линейной цепочке. Мой жизненный путь, вбирающий мои личные достижения и общественное признание, разделен на несколько равных по времени периодов, которые я выражу в следующих образах:

...Маленькая девочка-крошечка трех лет, которая с утра до вечера поет песни из репертуара самых известных певцов. Причем поет и танцует везде; где только захочет, там и выводит «На щечке родинка, полумесяцем бровь...», вызывая улыбки и радость у окружающих...

...Очень серьезная девочка шести лет, добившаяся всеми возможными ей способами того, чтобы ее приняли в первый класс на год раньше, чем положено, нахмурив лобик, примостилась на ступеньках в подъезде чужого дома и терпеливо ждет, когда ее пустят поиграть на чужом пианино, потому что заказанный родителями инструмент для нее все еще везут по железной дороге в далекую Среднюю Азию из Белоруссии, а ей очень нужно уже сегодня выполнить задание. Она сидит и мечтает, как вырастет и станет учительницей музыки...

... Девочка-подросток четырнадцати лет – уже учащаяся музыкального училища, спешит успеть на все концерты и спектакли, а в своей тоненькой тетрадке пишет собственные сочинения, но все чаще начинает глубоко задумываться о том, кем же действительно хочет стать в жизни и чего достичь...

... В шестнадцать лет – первая сбывшаяся мечта: студентка принята на работу учителем фортепиано в среднюю музыкальную школу-интернат для одаренных детей. Среди первых учеников – ровесники-восьмиклассники и маленькие детки, стайками доверительно вьющиеся вокруг нее и называющие ее «мама»...

... В двадцать лет – лектор и музыковед, музыкальный критик, откликающийся на все премьеры и гастролы в самой серьезной по тем временам партийной газете; автор и ведущая радио- и телевизионных передач; участник международных конференций. Появляются первые опубликованные тезисы и первые научные статьи...

...В двадцать пять – тридцать лет – новые увлечения – киномузыкой, десятки просмотренных архивных кинофильмов, педагогическая работа в вузе, стажировки во ВГИКЕ, в Московской консерватории, тесное общение с известными композиторами и музыковедами страны, и, вдруг, неожиданный резкий поворот – в терминах второй половины 1980-х гг. – «куратор сферы культуры и творческих союзов» в ЦК партии республики.

Что это, случайный, не связанный смыслом целеполагания, набор картинок из моей жизни?

**Ю.М.:** Меня умиляют Ваши примеры. Я не зря говорю Вам постоянно о том, что Вы – отличница во всех делах. Можно сказать «круглая» отличница. Даже в советское время, которое мы вспоминаем с Вами с небольшой долей ностальгии, таких как Вы, на мой непредвзятый взгляд, было немного. Вы принадлежали к лучшей части партийных и комсомольских работников. Вы довели до совершенства техники работы в социаль-

*ном мире. Единственная проблема — отсутствие изъянов и асоциальных намерений (даже не поступков).*

**О.Н.:** Не буду пока отвечать на Ваш попутный вопрос и иронично-комплиментарную оценку. Продолжу дальше. Конечно, все эти события предполагали мою внутреннюю самооценку, постоянную «сверку» идеального и актуального «Я», которое прокладывало вектор саморазвития. Моя личная жизнь складывалась также из самых разных сюжетов — от наполненных горечью воспоминаний о ранней утрате отца до счастливых дней познания первой любви, создания семьи и рождения дочери; от решения начать серьезно работать над диссертацией и до бессонных ночей корпения над текстами выпускников-дипломников.

Одним словом, так протекала моя динамичная, насыщенная событиями молодость, когда мне удалось без особого напряжения организовать и выстроить свою жизненную линию. Она пролетела мгновенно и завершилась, когда преодолев огромный конкурс и поступив в очную аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС на кафедру социалистической культуры и эстетики, я вступила в новый этап моей жизни, связанный с Москвой. Сценарий не столько неожиданный, сколько закономерный для конца 80-х гг. XX в. — времени перемен.

**Ю.М.:** *Ольга Николаевна, Вы сейчас описали, какие смысловые решения Вам приходилось принимать на своем пути, и то, что послужило отправными точками в выборе Ваших вариантов. Правильно ли я понял, что Вы делите свой жизненный путь на два периода и Ваш переезд в Москву, хотя не был неожиданным, поскольку так поступали многие, но в отличие от тех, кто обычно приезжает только поступать в университет, Вы уже к моменту переезда сложились как личность. Как Вы со своими идеальными представлениями смогли адаптироваться к жесткой реальности Москвы, не утратив ценностных ориентаций?*

**О.Н.:** Когда я рассказываю о своем переезде в Москву, то всегда прибавляю, что вернулась в Россию на свою историческую Родину. Ведь мои родители были в числе тех миллионов советских людей, которые выезжали в Среднюю Азию, Казахстан, Дальний Восток чаще всего не по собственному желанию, а в силу разных причин. Мама, к примеру, после окончания в 1952 г. Одесского государственного университета получила распределение на работу в Душанбе, а папа приехал туда после демобилизации в 1949 г. к своим родным, которые, спасая малолетних детей от голода и холода, выехали из Тамбова в Ташкент («Ташкент — город хлебный»), но не доехали до места. Когда их высадили из закрытых теплушек на конечной станции в далеком, затеряншемся в горах городке, только тогда они и узнали, что попали в Таджикистан.

Разве можно сравнивать мой переезд в Москву с такими пространственными перемещениями наших с вами соотечественников по стране? И адаптации в принципе особой не понадобилось, поскольку Москву как город я знала прилично, а динамичный ритм московской жизни оказался мне очень созвучным. Прожив к настоящему времени уже четверть века в столице, оглядываясь на прошедшее и всматриваясь в будущее, понимаю, что этому месту и людям, с которыми я встретилась здесь, я во многом обязана расширению и углублению сферы интересов, быстрому включению в те пространства, где раскрылись широкие возможности для самореализации.

Москва подтолкнула меня принять окончательное решение — совершить внутренний профессиональный переход, который был вполне естественным: от музыковедения — к эстетике — и далее к философии и культурологии. Произошло усложне-

ние и расширение направления научно-педагогической деятельности. В Москве я защитила кандидатскую и докторскую диссертации, получила звания доцента и профессора, а ведь когда-то маленькая девочка хотела стать просто учительницей...

Изменилось всё, были и горечь расставаний, и радость новых встреч. Но всё реже стало меняться окружение, и попасть в него становится все сложнее — отбор стал более тщательным. Появилось различие между друзьями и приятелями. Среди друзей появились люди намного старше меня по возрасту. И все они прочно обосновывались в моей второй половине жизни.

Вот и все, Юрий Михайлович, ...

**Ю.М.:** Нет, Ольга Николаевна! Не всё. Узнать о Ваших истинных установках мне так и не удалось. Вы тщательно скрываете свой аутентичный образ. Но мне бы хотелось все-таки завершить начатую тему. В отношениях с людьми проявляются наши другие «Я», обслуживающие социальную самость. В функционально заданных ситуациях проявляется наша Фигура (статусно-ролевой комплекс), которой соответствует одно или несколько ролевых «Я» (Я-руководитель, Я-мать, Я-женщина, Я-коллега по кафедре и т.д.). В ситуациях взаимодействия, где учитываются не только наше мнение, но и представления о нас других людей, реализуется наша Персона (Ме в трактовке Дж. Мида). Она задает индивидуальный стиль исполнения той или иной Фигуры и отвечает за формирование благоприятных впечатлений о нас окружающих. Персона — это, в частности, и то, как мы хотели бы, чтобы нас видели и воспринимали другие люди. Она может значительно отличаться от аутентичного «Я» человека, посредством которого он подвергает свой «внутренний мир» рефлексивному анализу, выявляя известные только ему недостатки.

Ольга Николаевна! Я знаю, что Вам удалось практически в совершенстве овладеть своими Фигурами и всем репертуаром многочисленных ролей. И здесь Вы себя чувствуете, как «рыба в воде». Это свидетельствует о Ваших социальной гибкости и невероятной адаптивности, которые проявляются в разных ситуациях взаимодействия.

Могли бы Вы описать типичную ситуацию взаимодействия с другими людьми, коллегами по научному сообществу, где Вам не хватает социальных качеств? И есть ли то, что провоцирует Вас на конфликт ролей? Какие из нормативных предписаний или ролевых ожиданий Вы не можете и не хотите примерить на себя? Как Вам удается управлять впечатлениями о Вас окружающих людей? Что такого особенного имеется в Вашей Персоне? Насколько адекватным является мнение о Вас как об умной, дипломатичной и очаровательной женщине, сложившееся в научном сообществе среди Ваших доброжелателей? Каков Ваш личный стиль саморепрезентации? Что значит быть Ольгой Николаевной Астафьевой? Ведь таково имя Вашей Персоны.

**О.Н.:** Юрий Михайлович, какой интересный прием Вы задумали: свою схему не только описали, но и на меня ее тут же примерили. Мне остается только оценить точность описания. Никогда так тщательно не пыталась разобраться во всех своих «самостях». В этом вопросе Вы у нас непревзойденный профессионал, поэтому, давайте, если позволите, сверим Ваше видение с моей самооценкой. Хотя столько хорошего сказано, что, может быть, ничего менять и не будем?

Буду откровенна, внутренний конфликт ролей у меня возникает под давлением внешних обстоятельств, т.е. помимо моего желания. По природе я не лишена лидерского начала, но одновременно за свою жизнь приобрела также и менеджерские качества. И когда в организации, где моя статусная позиция оказалась не самая высшая, возникла ситуация «тонущего корабля», то роль лидера не позволила мне при-

нять эту ситуацию как должное. Метафорически выражаясь, не захотела, чтобы корабль скрылся раньше времени под водой. Однако можете себе представить реакцию начальника, при котором неформальный лидер выстраивает позитивную стратегию и, что самое обидное для него, успешно решает управленческую задачу?

Такая ситуация, скажу Вам, не из приятных. Прежде всего, для меня. Не раз со стороны мои действия интерпретировались как самопрезентация («Больше всех нужно!», «Покомандовать захотелось!»). Вот в такие моменты меня и начинают мучать сомнения относительно правильности моих действий, поскольку эти самые действия воспринимаются и оцениваются разными его участниками через призму конкуренции. Разрешать подобную ситуацию конфликта интересов, как правило, мне самой же и приходится. Чаще — игнорирую противостояние, поскольку точно знаю, что мои действия и моя помощь строились на бескорыстии, и зарплату мне за это не платят. Поэтому ни на какие «военные тропы» я не выхожу, как бы меня не провоцировали, и чем бы туда не заманивали.

Мне достаточно оценки ситуации и моей Персоны со стороны большинства окружающих, а не отдельных недоброжелателей. Она, в большинстве случаев, положительная. На этом, если начальник не совсем глуп, конфликт интересов исчерпывается. Вероятно поэтому у меня всегда много интересных дел и занятий, которые зачастую я сама для себя нахожу. Но еще больше у меня желаний.

Знаете, Юрий Михайлович, повторюсь, но это уже проверено на моей жизненной практике: если не можешь повлиять на ситуацию мирным путем, то уж лучше не разрушать хорошего дела, а заняться другим, не менее важным проектом. Быть только наблюдателем за такими процессами со стороны очень трудно с моим темпераментом и энергией, но на участие в конфликтах мне тратить свое время и жизнь искренне жаль. Как бы Вы ни призывали меня проявлять активность в таких делах.

И, наконец, о моем истинном стиле саморепрезентации (Вам же все время хочется куда-то в самую глубь моей души заглянуть). Опять застали врасплох. Хочется ответить, что он ситуативен, но ведь Вы наверняка захотите узнать ключевые характеристики. Один выход: я выстрою свой слоган, такой, по которому хотела бы жить и действовать всегда. Правда, с оговоркой, что он отвечает моему сегодняшнему мироотношению и целеполаганию. Однако следовать ему, признаюсь, даже в нынешней ситуации (а что будет завтра?!) очень тяжело, и пока не всегда у меня получается. Итак: «Желание — Идея — Действие — Ответственность — Успех!» Вот к этому и будет стремиться моя Персона.

*Ю.М.:* Спасибо, Ольга Николаевна! Мы начинаем разогреться и с каждым новым вопросом Вы становитесь всё более откровенной. Жаль, что пора уже подводить итоги нашего с Вами интервью.

*Еще один, на этот раз последний вопрос. Существуют сферы и миры, с которыми мы взаимодействуем посредством «высших смыслов», экзистенциальных потребностей, сакральных ценностей и пр. И я вовсе не собираюсь вторгаться в это пространство. Меня интересуют лишь Ваши косвенные свидетельства относительно дилеммы «свобода — предопределенность», задающей координаты выбора. Считаете ли Вы себя верующим человеком? Если да, то каким образом Вам удается совмещать свою веру со свободой воли, присущей каждому зрелому человеку? Верите ли Вы в судьбу как высшее предназначение человека? Или Вы привыкли определять свой жизненный путь самостоятельно, без опоры на сакральные смыслы и ценности?*

**О.Н.:** Глупо быть самоуверенной настолько, чтобы считать себя абсолютно свободной или, напротив, полностью зависимой от чьей бы то ни было воли. Место сакральному в моей душе есть, несомненно, но идет ли речь о вере в судьбу или высшее предназначение человека, точно не знаю. С верой отношения у меня непростые. В детстве нас с сестрой, конечно, окрестили. И потом долгое время об этом вспоминалось только в дни Пасхи. Сейчас всё обстоит несколько по-иному. Но вера обнаруживается всё равно не в этом, не во внешней близости и причастности к церкви.

Ваш вопрос значительно шире. Ведь дело даже не в том, чтобы признаться самому себе в чем-то глубоко интимном, а откровенно задать себе вопрос: тем ли принципам ты следуешь в жизни? Наверное, я рассуждаю с точки зрения религии не совсем корректно, но скажу так: для меня категориальные императивы Канта имеют не меньшее значение, чем Нагорная проповедь. Поскольку философские представления включены в мой жизненный мир, где, естественно, происходят разные духовные процессы, а не только рациональные интеллектуальные операции, то значит, есть там и место для сакральных ценностей и высоких помыслов.

**Ю.М.:** *Ольга Николаевна! Настоящее в жизни определяется немногими поступками, решениями и делами, которые делают человека лучше и совершеннее (разумеется, в принятой им системе ценностей). Некоторые из этих поступков переворачивают его жизнь, заставляют кардинально изменить себя, свой внутренний мир и побуждают других людей к тому, чтобы «сеять разумное и вечное». Какими поступками в своей жизни Вы до сих пор гордитесь?*

*И, наконец, самый последний вопрос. Каждый человек стремится оставить после себя что-то особенное. Такие следы и отпечатки мы получили от соприкосновения с нашими учителями, близкими и даже «случайными прохожими». Что особенного и значимого хотели бы Вы привнести, и уже привнесли в мир людей? Жизнь быстротечна и скоро наступит момент, когда нужно подумать о вечном. Какую память о себе Вы бы хотели оставить своим потомкам?*

**О.Н.:** Не знаю, гордость ли это, но то, что не стыжусь совершенных поступков в моей жизни, разве это не причина для самоуважения?

И о значимом, которое останется после меня в мире людей, тоже скажу кратко: смею надеяться, что идеи, заложенные в моих работах и поступках, все-таки не были совсем бесполезны для моих коллег и учеников.

В завершении добавлю, что природа и родители дали мне очень многое, а культура сформировала мой образ и стиль жизни, образовав связь социального и индивидуального во мне. Я же только выбрала линию собственного развития, постоянно ощущая свою сопричастность к историческому времени, свою причастность к настоящему.

**Ю.М.:** *Ольга Николаевна! Мой вопрос оказался длиннее, чем Ваш ответ. Наверное, я Вас изрядно утомил своими схемами и Вы устали от необходимости примерять их к собственной жизни. Я знаю, что никакие мыслесхемы не способны выразить богатство жизненного мира человека. За Вами стоят люди, дела, события большой важности. Вы — личность масштабная и творческая. Там, где Вы что-то сделали, можно ставить знак качества. И этого уже никто не сможет у Вас отнять. Не все могут себе это позволить. Пусть все Ваши и наши доброжелатели спокойно отдыхают. Нам с Вами нет до них никакого дела. У нас впереди, я надеюсь, новые проекты и свершения. Возможно, не такие грандиозные как у Канта или Маркса, но это наши проекты. Спасибо Вам за внимательное отношение к моим вопросам и редкую возможность общения на столь отвлеченную тему.*